

XXV Синод Евангелическо-Лютеранской Церкви Ингрии
Кафедральный собор Св. Марии, г. Санкт-Петербург
14 октября 2016 года

Доклад Главного секретаря Церкви Ингрии пастора Михаила Иванова

Досточтимые епископы, уважаемые участники Синода, братья и сестры!

Близится к завершению 2016 год, который, как всегда, был насыщенным, сложным, который принес и радости и горести. Но совсем скоро мы вступим в год, который обещает быть еще более насыщенным, еще более ответственным. В 2017 году, как уже неоднократно сегодня говорилось, мы будем отмечать 500-летие Реформации. И это то время, когда с особым усердием мы станем размышлять о богословском наследии Реформации и размышлять о нашей лютеранской идентичности. В это время мы призваны еще более ясно нести свидетельство об Иисусе Христе, еще более полно раскрывать красоту строго конфессиональной и консервативной позиции в вопросах богословия и повседневной жизни.

Необходимость такого свидетельства, я убежден, стала особенно очевидной для всех, кто принимал участие в международной богословской конференции, проходившей в августе в Петрозаводске. Потому что очень ярко тогда проявилась противоречивость, а иногда и несовместимость, категорическая несовместимость, тех взглядов, которых придерживаются разные Церкви, отождествляющие себя с лютеранской Реформацией, с лютеранской традицией.

Но позиционируя себя, Церковь Ингрии, как Церковь консервативную и конфессиональную, необходимо отдавать себе отчет, сколь важно соответствовать этим критериям. Недостаточно назваться, нужно *быть*, и это требует большой работы. Вот именно на этом моменте я и хотел бы сегодня заострить ваше внимание.

Дерзну сказать, что у любой богословской парадигмы есть свои сильные и есть свои слабые стороны. Есть таковые и у лютеранской парадигмы. Мы более или менее знаем ее сильные стороны, и об этом достаточно хорошо и подробно во вступительном слове, в приветствии, сегодня рассказал пастор Джеймс Крикава. Мы именно потому и лютеране, что убеждены в наибольшем соответствии именно нашего учения тому, что отражается на страницах Священного Писания, тому, что представлено на страницах Библии. Но есть и слабые стороны, которые присущи лютеранской парадигме онтологически и которые нужно всегда учитывать. (В этой фразе слово «слабые» я бы заключил в кавычки до поры до времени).

Мы знаем, что Реформация проходила в стремлении очистить доктрину Церкви от заблуждений и ложных напластований, которые искажали библейское учение. И это очень хорошо. Но при отсечении всего второстепенного, как нам кажется, даже ненужного, ради актуализации самого главного необходимо всегда знать меру. И эта мера в практическом служении и в проповеди Церкви соблюдалась далеко не всегда. Желание возвысить основные, первостепенные моменты приводит к появлению *потенциальной* опасности богословской редукции в лютеранском богословии.

Эта опасность *потенциальная*. Я подчеркну это, и при верном отношении эта опасность никогда не станет актуальной. Более того, эта опасность неизбежна для любого здравого учения, потому что хождение в истине предполагает узость пути, фактически, хождение по лезвию бритвы, когда слева и справа будет разверзаться пропасть – пропасть, не пугающая до тех пор, пока совершается усилие идти по прямой дороге, и человек не заваливается в одну или в другую сторону.

Но эта опасность богословской редукции переходит из разряда потенциальной в разряд реальной, сталкиваясь с инертностью человеческой мысли, сталкиваясь с внутренним индифферентизмом, к которым склонны, к сожалению, все мы. Нам легче и естественнее всё упростить. Нам легче не

прилагать никаких усилий. Чтобы проиллюстрировать эту мысль, приведу пример из истории Реформации.

Возьмем такую область богословия, как литургика. Мы знаем, что Мартин Лютер не желал терять богослужебного наследия Древней Церкви. Он прекрасно осознавал, что никогда не будет упразднен принцип «*lex orandi – lex credendi*», то есть «закон молитвы – это закон веры». Именно поэтому, занимаясь литургической реформой, Лютер критикует и даже яростно порицает радикализм Карлштадта. Он создает «Формулу мессы» (*Formula missae*), которая должна была служить по воскресеньям и которая вобрала в себя всё важное, всё лучшее, всё не противоречащее Священному Писанию – вобрала в себя всё то из богослужебного наследия Церкви, что, действительно, достойно сохранения.

Но Лютер видит, что есть среди прихожан те, кому сложно сразу погрузиться в богословское и, с особым акцентом скажу, вероучительное богатство мессы, и он создает упрощенный вариант богослужения – так называемую «Немецкую мессу». Это была служба для малограмотных, для невоцерковленных людей. «Немецкая месса» должна была подготовить людей к глубокой, в хорошем смысле слова *богатой* службе и выйти из обихода при преодолении духовного неведения, а часто и просто безграмотности, как среди пасторов, так и среди прихожан – подобно тому, как деревянные кубики с буквами убираются в шкаф, когда ребенок уже подрос и выучился нормально читать и даже писать.

На мой взгляд, прекрасный план. Но что мы видим в исторической действительности? Пресловутая инертность человеческого сознания, тяга к минимальному напряжению и внутренняя лень, которую Писание характеризует как грех, привели к тому, что ординарной, общеупотребительной становится не полнокровная *Formula missae*, но примитивизированная «Немецкая месса» Лютера.

Как относился к этому сам реформатор? Крайне негативно. Когда один из курфюрстов предложил ему ввести в качестве нормативной в своем

княжестве именно «Немецкую мессу», Мартин Лютер категорически отказался. Нельзя делать правилом для Церкви то, что было создано как промежуточный и заведомо упрощенный вариант. Такова была его мысль. Но именно в этом, к сожалению, Церковь – по крайней мере, в немецких землях – не пошла за реформатором. Это лишь один пример богословской редукции. Пример, характерный не только для литургики, но для всех областей богословия и церковной жизни.

И вот чтобы не потерять того богатства, которое по праву наше, чтобы не скатиться, в силу самых разных причин, к редуцированным формам богословствования, какие мы находим в младопротестантских течениях, да и во многих современных Лютеранских Церквях, чтобы, в конечном итоге, не стать неинтересными даже самим себе, мы должны всегда совершать внутреннее интеллектуальное и духовное усилие, чтобы постигать, понимать, сохранять и передавать дальше.

Если думать о том, как достигнуть этой цели, то можно назвать несколько путей.

Прежде всего, священнослужители Церкви Ингрии, те, от кого зависит духовная формация прихожан, должны приложить всё старание к тому, чтобы получить высшее богословское образование, если таковое отсутствует. Сегодня недостаточно быть очень верующим и очень хорошим. Это обязательно. Но в дополнение к этому священник или диакон также должен быть еще и очень знающим.

До последнего времени мы находились в состоянии восстановления церковных структур после долгого периода гонений. (Уже больше двадцати лет длится это восстановление). Была необходимость начать служить в том или ином приходе, существовала острая миссионерская ситуация, которая заставляла совершать диаконское или даже пасторское рукоположение без предварительного получения кандидатами необходимого образования.

Начальным периодом восстановления Церкви обусловлена и совершенно уникальная ситуация, связанная с существованием в Церкви

Ингрии у диаконов экстраординарного права совершать Евхаристию. Правильно ли это? Категорически нет. Нуждаемся ли мы сегодня в таких обходных технологиях? Я думаю, тоже нет. Именно поэтому сегодня от Подготовительной комиссии поступила инициатива поручить от лица Синода Синодальному Совету разработать механизм, который позволит диаконам, которые сегодня служат Евхаристию, получить необходимое образование для пасторской ординации и через несколько лет упразднить саму практику предоставления диаконам экстраординарного права совершать Святое Причастие.

Те пасторы, которые уже имеют священническое рукоположение, но не получили должного образования, также настойчиво призываются восполнить этот недостаток. Я повторю это слово: данная ситуация является *недостатком*.

Для достижения поставленной цели были созданы все условия. И, я думаю, главное – это появление в Теологическом Институте заочного бакалавриата богословия. Мы все надеемся, что открывшаяся возможность получить богословское образование будет использована нами в максимальном объеме.

Не может не радовать тот факт, что во время последнего поступления на бакалавриат теологии мы наблюдали столь редкое явление, как конкурс, в размере двух человек на место. Пускай это не пугает никого, потому что пасторы и диаконы Церкви Ингрии будут поступать вне конкурса, по привилегированной схеме. Главное – поступать, главное – учиться.

Но мы понимаем, что получить образование – это только начало процесса духовной формации священнослужителя, формации, которая продолжается всю жизнь. Достаточно вспомнить наставление Апостола Павла, данное Тимофею. Прочитаю вам эти короткие строки. «Вникай в себя и в учение, - говорит Апостол, - занимайся сим постоянно: ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя».

Нам следует внимательно изучать нашу богословскую традицию, не только сидя за семинарской партой. О богатстве и полнокровности этой традиции я говорю последнее время регулярно.

Конечно, иногда Лютеранскую Церковь попрекают чрезмерной схоластичностью, даже каким-то рационализмом в вопросах веры и практики. В минувшем году у меня состоялась очень интересная беседа с немецким православным богословом Карлом Христианом Фельми, который сетовал на отсутствие мистического богословия в лютеранстве. Он говорил об этом как о недостатке - недостатке такого внутреннего, глубинного опыта богообщения. Я помню, как я сильно на него обиделся. И я убежден, что как ответ на подобного рода критические высказывания, как ответ, ставящий в этих вопросах точку, в том же году вышла книга немецкого лютеранского богослова семнадцатого века Иоганна Арндта «Об истинном христианстве». Мы получаем на руки удивительный образец описания духовного опыта христианина, прекрасное руководство на пути полноценного богообщения, которое даст фору многим и многим авторам, которые пишут на эту же тему, или писали, может быть, даже много столетий тому назад.

И вот сегодня нам необходимо думать о том, как в рамках нашей Церкви, как в рамках отдельных пробств проводить обучающие семинары для священнослужителей и активных прихожан. Работа в этом направлении уже ведется, достаточно активная, но, мне кажется, очень важно приложить какое-то старание к тому, чтобы темы этих семинаров были общими для всей Церкви, чтобы мы могли обсуждать наиболее актуальные вопросы. И, может быть, материалы для этих семинаров, которые могли бы рассылаться священнослужителям и обсуждаться в рамках собраний пробств, готовились бы усилиями Богословской комиссии, Теологического Института и самих пробств.

Пользуясь возможностью, хочу призвать и пасторов и прихожан посвятить юбилейный 2017 год еще более глубокому изучению наших вероисповедных документов, объединенных в Книгу Согласия. Думать над

этими документами, осознавать их актуальность, интересность для нас здесь и сейчас. И именно вокруг этого текста – тоже в качестве предложения скажу – могли бы выстраиваться и семинары, и конференции, и, может быть, потенциальные публикации в течение юбилейного года.

Также хочу напомнить те слова, которые мы находим в Положении о Церкви Ингрии. Буквально на первой же странице там мы читаем следующее: «Церкви Ингрии предстоит обновлять свою жизнь постоянным исследованием своего вероисповедания, свидетельства и служения в свете Библии, не допуская их искажения». Вот давайте и займемся этим исследованием, к которому нас призывает даже уставной документ нашей Церкви.

Приближаясь к завершению своего доклада, скажу, что есть у меня еще одна мечта, связанная с грядущим юбилейным годом. Нам очень близка сегодня позиция Церкви Латвии, позиция Церкви Литвы, Церкви Миссури-Синод. Мы уже не раз говорили о солидарности с Сибирской Лютеранской Церковью. Мы очень заинтересованы в общении с консервативными и конфессиональными движениями на территории Финляндии. Можно продолжить перечислять те Церкви, которым, может быть, интересны мы и которые уж точно интересны нам. Очень хотелось бы увидеть создание некоей рабочей структуры, которая позволила бы максимально полно взаимодействовать на уровне Церквей, единых в отношении к доктрине и к практике потому что именно наша разобщенность, как сегодня говорилось неоднократно, становится препятствием для плодотворного служения, для свидетельства об истине в этом мире.

Вот, собственно, то, что я хотел вам сказать, дорогие братья и сестры. Да поможет нам Бог пройти предстоящий юбилейный год так, чтобы максимально использовать те информационные поводы, которые предоставляются любым юбилеем, чтобы размышлять о нашем богословском наследстве и чтобы не допускать редукции мысли, ее примитивизации в нашем сознании, в нашем сердце и в нашем служении. Тем более, что у нас

есть все возможности для того, чтобы являть окружающему миру богатство и красоту нашей веры. Да поможет нам в этом Бог.